

biological or legal relationship), those. the eternity of the family is affirmed, as long as there are people and some forms of sociality, to extremely alarmist statements about the crisis of the family in the present and its impending disappearance in the not so distant future due to the loss of fundamental functions as a basic social institution.

Key words: family; marriage; value orientations.

ЦЕННОСТНЫЙ СТАТУС СЕМЬИ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Аннотация. На современном этапе развития общества в средствах массовой информации не утихают дискуссии о том, насколько радикально меняется ценностный статус современной семьи. Взгляды здесь полярны – от совершенно идеалистического восприятия семьи в духе социального конструктивизма (в результате соглашений между людьми, которые могут быть никак не связаны в традиционном смысле – биологические или юридические отношения), тех, кто утверждает вечность семьи, пока существуют люди и некоторые формы социальности, до крайне противоречивых заявлений о кризисе семьи в настоящем и ее неминуемом исчезновении в будущем из-за утраты фундаментальных функций как основного социального института.

Ключевые слова: семья; брак; ценностные ориентации.

Сведения об авторах:

Ван Чжэньцзянь, аспирант кафедры философии и методологии науки факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета.

Wang Zhenqian – Postgraduate student of the Department of Philosophy and Methodology of Science, Faculty of Philosophy and Social Sciences, Belarusian State University.

Научный руководитель – **Комаровская Анастасия Сергеевна**, канд. философ. наук, доцент, доцент кафедры философии и методологии науки факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета.

Kamarouskaya Anastasiya S. – Ph.D. in Philosophy, Associate Professor, Department of Philosophy and Methodology of Science, Faculty of Philosophy and Social Sciences, Belarusian State University.

УДК 316.776

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ КОММУНИКАЦИИ В ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ

В. Н. ВАРИЧ

Брестский государственный технический университет, г. Брест, Беларусь

В современном мире происходят глобальные трансформации, которые связаны с появлением новых информационных структур и бурным развитием цифровых коммуникаций. Процессы глобализации, информатизации виртуализации тесно взаимосвязаны и свидетельствуют о переходе техносферы и ноосферы

на особую ступень функционирования – цифровое общество, в котором новое качество человеческой жизни определяется информационными технологиями коммуникации и взаимодействия. Именно поэтому проблема взаимодействия информационной и коммуникативной сфер вызывает повышенный интерес в качестве предмета культурологического и философского анализа.

Благодаря развитию информационных технологий мир, по образному выражению М. Маклюэна, превращается в «глобальную деревню». Однако образ «глобальной деревни» у Маклюэна был связан в первую очередь с распространением телевидения, в то время как развитие технологий, подобных Интернету и социальным сетям, канадский мыслитель вряд ли мог даже предвидеть. В настоящее же время не только в метафорическом, но и в буквальном пространственном смысле социальное и культурное расстояние между участниками коммуникации сокращается до минимума. Виртуальные технологии освобождают человека от жёсткой привязки к определённой среде, открывают небывалые возможности для творчества и самореализации. Процессы социального взаимодействия приобретают новые формы и динамику, преодолевая ранее незыблемые барьеры между сферами частной и публичной жизни: «Различие между личной и общественной сферами действительно тотально реорганизуется, поскольку личное, благодаря социальным сетям, как никогда становится интегрированным в общественное, понимаемое не как традиционная общинность, но как совокупность сетевых пространств» [1, с. 107].

В таком качестве Интернет, с одной стороны, способствует усилению социальной изоляции человека, а с другой стороны, расширяет его возможности, позволяя моментально получать разнообразную информацию, осуществлять коммуникацию даже при значительных расстояниях между её субъектами, вступать в разнообразные отношения в социальных сетях и создавать виртуальные миры. Развитие информационных технологий привело к формированию особого рода виртуальной реальности, которая обнаруживает признаки материального и идеального бытия. Функционируя с помощью технических устройств и на основе компьютерных программ, она представляет собой новую форму существования материальных систем. Будучи же вторичной по отношению к актуальной действительности, она может рассматриваться как идеальное бытие или, во всяком случае, некоторое «пространство симулякров» (термин Ж. Бодрийера). В отличие от ранее существовавших разновидностей виртуальной реальности (художественного полотна, литературного произведения, кинофильма) та реальность, которая создается в процессе взаимодействия человека и информационного устройства, открывает совершенно новые возможности в плане событийности и реальности присутствия в ней.

В современном информационном обществе коммуникация осуществляется и в непосредственной действительности, и в компьютерной виртуальной реальности, что может привести к затруднениям в самоидентификации, формировании ценностных ориентаций и в выборе жизненного пути. Современный человек является субъектом новой коммуникативной реальности, которая существенным образом влияет на формирование личностной идентичности, предполагающей

способность человека к целеполаганию, прогнозированию своих действий и контролю за их реализацией. По уже подзабытому утверждению классиков марксизма, общественное бытие определяет общественное сознание. И, если важной составляющей нынешнего общественного бытия являются современные коммуникативные технологии, то следует ожидать социальных и культурных следствий их воздействия на человека.

Среди них можно назвать, в первую очередь, возникающую в процессе виртуального общения иллюзию деятельности, которая обнаруживает себя по крайней мере в двух всем известных проявлениях. Одно из них заключается в том, что эту деятельность, осуществляемую с помощью информационных технологий, в любой момент можно остановить – к примеру, просто выключить лекцию или другое онлайн-занятие и вернуться к каким-либо действиям в реальном пространстве. Второе – и не менее очевидное – проявление состоит в том, что благодаря современным технологиям многие свои потребности человек может удовлетворять, не прикладывая таких усилий, которые требовались прежде. Гораздо проще найти книгу в электронном виде, скачать её и читать в любое удобное время, чем посещать реальную библиотеку или читальный зал, работать с каталогом и общаться с библиотекарем. Иными словами, многие виды деятельности можно теперь осуществить «недеятельным путём»: «...даже поверхностный анализ подтверждает, что интернет способен непосредственно удовлетворить большую часть социальных, культурных потребностей, при этом, в ряде случаев, устраняя деньги как посредника» [2, с. 66]. Такого рода иллюзорная деятельность приводит к снижению способности концентрироваться на учебном или трудовом процессе, невозможности сосредоточиться на тексте и вообще длительно предпринимать усилия, требуемые для достижения какого-либо полноценного результата.

Кроме этого, в ходе виртуальной коммуникации возникает своего рода эффект «подзорной трубы»: взаимодействуя с большим числом персонажей, субъект коммуникации воспринимает их в искажённом виде – более успешными, чем он сам, или, напротив, достойными осуждения. Каждый участник виртуальной коммуникации – это фрагментированный персонаж, и подобного рода фрагментация не может не сказываться на самоопределении и самооценке человека, сидящего у монитора компьютера или держащего в руках мобильное устройство. Процесс дефрагментации личности усугубляется ещё и тем, что в ходе виртуального общения человек сталкивается и с собственными виртуальными следами – своими фотографиями, комментариями, «лайками» и другим размещённым сети контентом, которые теряют или изменяют свою значимость с течением времени.

Медийное пространство, формируемое интерактивной деятельностью субъектов виртуальной коммуникации, не имеет чёткой структуры – информация поступает перманентно и бессистемно. Для того, чтобы в безбрежном океане коммуникации можно было выделить хоть какие-то «островки», информация подается в краткой, упрощённой и очень сжатой форме. Так, размышления сводятся к твитам объёмом не более 140 символов, а вместо репортажей или содержательных видеороликов предлагаются «сториз», не задерживающие внимание более чем на одну-две минуты. Восприятие такой информации не требует сосредоточения

и хоть сколько-нибудь серьёзных интеллектуальных усилий. Поэтому человек привыкает воспринимать обрывочные образы и фрагменты информации, то есть к клиповому восприятию мира, которое разрушает пространственно-временную связность информации. В 70-х годах XX в. французский социолог А. Моль ввёл понятие «мозаичной культуры», противопоставив социокультурную таблицу, «сквозь» которую человек традиционного общества воспринимал окружающий мир, и культуру постиндустриального общества, в которой подобной матрицы нет. Однако метафора мозаики или лоскутного одеяла представляется уже недостаточной для того, чтобы охарактеризовать способы ориентирования в потоке информации современного представителя техногенной цивилизации.

Основная задача клипа как элемента мультимедийного контента – привлечение и удержание внимания пользователя на бессознательно-эмоциональном уровне, без анализа существенных связей или логики последовательного изложения. Как отмечает Т. Н. Шеметова, навязываемое таким образом восприятие мира можно сопоставить с пралогичным мышлением первобытного человека, которое было лишено временных категорий: «Суть его в том, что оно не выстраивает цепочки причинно-следственных связей, а основывается на эмоциональной вовлечённости (партиципации) и противостоит абстрактному мышлению, которое базируется на логике и содержит минимум эмоциональности» [3, с. 257]. Клиповое (инкорпорированное) мышление формирует «сжатую до сиюминутности реальность», в которой «исчезает экзистенциальная основа сюжета, развёрнутого во времени» [там же].

Поскольку твит, «сториз» или картинку с подписью воспринять намного проще, чем прочитать книгу (или хотя бы одну главу из неё), постольку они не требуют приложения усилий во времени. Постоянно ориентируюсь лишь на то, что «здесь и сейчас» вызывает у него эмоциональный отклик, человек утрачивает способность оценивать не только внешнюю информацию, но и себя самого в потоке событий – разрушается механизм, формирующий его самосознание и идентичность. Виртуальное пространство требует единовременной обработки информации, поэтому виртуальная реальность – это в первую очередь пространственная, а не временная структура. Пользователи сети всегда находятся в актуальном моменте, из-за этого длинные тексты дочитывают, а длинные видеоролики смотрят до конца лишь немногие из них. Кроме этого, современные технологии позволяют «сжать» время и применительно к личности самого субъекта коммуникации – его прошлое включается в настоящее благодаря многочисленным и легкодоступным фотографиям, видеозаписям, постам, «сториз». Таким образом происходит, с одной стороны, расширение актуального момента за счёт включения в него прошлого, а с другой стороны – его сужение за счёт стремления постоянно пополнять имеющиеся свидетельства о собственной жизни, обновлять странички в мессенджерах и социальных сетях: человек превращается «в одинокого отправителя сообщений, бесконечно блуждающего по лабиринту аутокоммуникации» [4, с. 36]. Виртуальная коммуникация – это, по сути, взаимодействие образов, которое открывает безграничные возможности общения, но при этом

превращает людей «в одинокие интерактивные существа, ретрансляторы сообщений, утрачивающие собственное «я» и растворяющиеся в Сети...» [4, с. 36].

Подводя итоги сказанному, можно отметить, что коммуникация в современном информационном обществе обладает рядом особенностей. Наряду с традиционными видами устной, письменной и визуальной коммуникации осуществляется медиакоммуникация, в которой задействованы различные электронные информационные устройства. Частным случаем массовой медийной коммуникации является общение в виртуальной среде, которая характеризуется разнообразными формами организации. В процессе виртуальной коммуникации деятельность может приобретать иллюзорные формы, а субъекты коммуникации и сообщаемая ими информация могут быть дефрагментированы. Более того, в виртуальном пространстве субъект всегда находится в актуальном моменте, в котором прошлое и настоящее слито воедино. В таких условиях формируется клиповое сознание, которое по многим своим признакам совпадает с первобытным (пралогическим) мышлением, далеким от анализа причинно-следственных связей и временных последовательностей.

Литература:

1. Православский, С. С. Трансформация социальной коммуникации в информационном обществе / С. С. Православский // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. – 2014. – № 4(30). – С. 105–108.

2. Яковлев, Л. С. Коммуникация в информационном обществе: освобождение от адресности / Л. С. Яковлев, М. М. Каримова // Современные лингвокоммуникативные практики : Межвузовский сборник научных статей. Выпуск 3. – Саратов : Поволжский институт управления имени П.А. Столыпина, 2022. – С. 62–69.

3. Шеметова, Т. Н. Клиповое интернет-сознание как тип пралогического мышления / Т. Н. Шеметова // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2013. – № 4(2). – С. 254–259.

4. Соловьева, Л. Н. Современный человек как субъект новой коммуникативной реальности / Л. Н. Соловьева // Общество: философия, история, культура. – 2017. – № 12. – С. 34–37

Аннотация. В статье производится анализ особенностей общения и деятельности в виртуальном пространстве и того влияния, которое виртуальная коммуникация оказывает на сознание и самосознание субъекта коммуникации.

Ключевые слова: коммуникация, виртуальная коммуникация, виртуальное пространство, клиповое мышление

ABOUT SOME FEATURES OF COMMUNICATION IN THE INFORMATION SOCIETY

Annotation. The article analyzes the features of communication and activity in the virtual space and the influence that virtual communication has on the consciousness and self-consciousness of the subject of communication.

Key words: communication, virtual communication, virtual space, clip thinking

Сведения об авторе:

Варич Вероника Николаевна, кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры гуманитарных наук Брестского государственного технического университета.

Varich Veronika Nikolaevna, Ph.D. philosopher. Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Humanities, Brest State Technical University.

УДК 930.85 (470)(520)

РОССИЯ И ЯПОНИЯ: ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ КУЛЬТУР

Э. Г. ВАРТАНЬЯН

Кубанский государственный университет, г. Краснодар, Россия

Разные культуры имеют различный порог ассимиляционной устойчивости, что зависит от исторических, социальных и многих других факторов. В этом смысле японскую культуру можно расценить как некое особо устойчивое образование, сохранившее свою автономию при очень высоком уровне иностранных заимствований. В последнее десятилетие японские исследователи всё увереннее заговорили о мощных культурных потоках из Японии в другие страны, в первую очередь, в страны Азии, что свидетельствует об активном включении страны в общие процессы «культурной глобализации» в качестве одного из главных ее участников [1, с. 67]. Вместе с тем, в Японии, как и в других странах, явления глобализации понимаются по-разному: и как созидательные, вызывающие большие надежды, и как деструктивные, вселяющие обеспокоенность, поскольку нивелируются экономические, политические и культурные различия общества.

В данной статье рассмотрено несколько примеров взаимодействия культур России и Японии во второй половине XX – начале XXI в.

Человек, посвятивший себя изучению другой страны, становится посредником между двумя культурами. Более 70 лет назад вступил на путь постижения русской культуры один из известнейших японских русистов – Хироси Кимура. Он открыл для японских читателей «Слово о полку Игореве», познакомил их с поэзией А. С. Пушкина, с творчеством Ф. М. Достоевского и Л. Н. Толстого. В его переводах обрели новую жизнь стихи О. Мандельштама, мемуарная проза И. Эренбурга, романы и повести А. Солженицына. В 1974 г. Кимура приступил к работе над переводом «Архипелага Гулаг» А. Солженицына. Хироси Кимура является автором многочисленных статей, помогающих японским читателям проникнуть в накопленный столетиями духовный опыт русского народа, глубже понять и полюбить культуру России. Круг проблем, затрагиваемых в книге Кимуры «По дорогам русской литературы» – об истоках русской культуры, о важнейших этапах формирования её эстетических и нравственных традиций, об особом месте поэзии в истории русской литературы и роли литературы в жизни общества. По собственному признанию Хироси Кимуры, именно благодаря непосредственному общению